

Барие Бала

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ, ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ...

Я И ОДИНОКИЙ ГОЛУБЬ

Когда между армянами и азербайджанцами началась война за Нагорный Карабах, произошло много всяких событий, в результате которых я был вынужден оставить Армению и искать новое место жительства. После немалых тягот я наконец обосновался с семьёй в Баку.

Мы остановились в двухэтажном каменном доме, за которым был небольшой пустующий участок, куда жители близлежащих домов сбрасывали свой мусор. Терпеть такое «соседство» было невыносимо: днем донимали ужасные запахи и рой насекомых, а ночью – лай беспризорных собак, собиравшихся на этой помойке стаями. И однажды моему терпению пришёл конец: я направился к соседям, с которыми пока ещё не был знаком, и попросил их перестать выбрасывать мусор на эту площадку. Люди отнеслись к моей просьбе с пониманием.

За короткое время я и моя супруга Дилбара Бала очистили и привели участок в порядок. Я протянул вдоль его периметра металлическую сетку и поставил небольшую калитку. Из трубы, по которой вода поступала в наш квартал, я протянул её и к нашему участку. Когда же наступило тепло, мы посадили овощи, зелень, плодовые деревья и самые разные цветы.

Известно, что весна в Баку приходит очень рано. Не успела минуть её половина, как многое из того, что мы посадили, уже всюю разрослось. Особенно радовали нас распутившиеся цветы, которые быстро закрыли собой землю, до недавнего времени усеянную мусором. Моя супруга очень любила цветы, и разноцветный ковер был наглядным результатом усилий заботливой хозяйки, знающей толк в своём деле. На деревьях сначала показались почки, прорезались листья, а потом распустились и бутоны благоухающих цветов. Бурно расцвели и несколько рядов посаженных нами красных роз.

Однажды мы с женой с нашего диванчика в прихожей заметили в розовых кустах двух голубей. Они вели себя так, словно не видели друг друга целую вечность: то соприкасались клювиками, то вместе вышагивали туда и обратно, то грациозно склоняли друг перед другом свои шеи и издавали при этом воркующие гортанные звуки. При этом оба голубя то и дело оглядывались назад и с опаской смотрели в нашу сторону. Я так и читал в их тёмных глазах мольбу не трогать их, дать им насладиться счастьем быть рядом друг с другом...

Признаюсь, вид этих голубков произвёл на меня большое впечатление, напомнив о далёких днях счастливой и беззаботной молодости, которые, как лента из старого кинофильма, прокручивались теперь перед моими глазами.

И я невольно полюбил эту пару голубей. В моем времяпрепровождении появилось нечто очень приятное: наблюдать за ними и любоваться красотой их отношений. Я попросил свою супругу принести им корма и воды в небольшой посуде, откуда им было бы легче пить. Она тотчас же исполнила мою просьбу, и с того дня начался отсчёт нашей дружбы – между нами и парой этих прекрасных голубей. Каждый день ранним утром мы ставили воду и корм под кустом роз, они прилетали, клевали раздробленное пшено, пили своими клювиками воду, иногда играли друг с другом, и было забавно наблюдать за всем этим... И так повторялось каждый день: с раннего утра до позднего вечера, пока наши голуби не возвращались на ночь к своему гнезду.

За это время мы настолько привязались к этим голубям, что без труда различали – кто из них голубь, а кто голубка. Они тоже привыкли к нам и нисколько не боялись, спокойно давали себя поглаживать и беспечно клевали зерно с наших ладоней.

Два года подряд – весной, летом и осенью – прошли под знаком этой необычной дружбы. Настала третья весна. Хоть бы она никогда не наступала...

Снова к нам прилетели наши голуби, и снова моя добрая, заботливая и замечательная спутница жизни с радостью встретила их появление и, как подобает радушной хозяйке, делала всё, чтобы угодить желанным гостям. Так прошло несколько веселых и не предвещавших ничего недоброго весенних дней.

В тот вечер мы в приподнятом настроении ужинали всей семьёй, как вдруг моей супруге внезапно стало плохо. Подскочившее давление не смогли сбить ни лекарства, ни вызванные врачи, и очень скоро случилось непоправимое... Мулла равнодушно исполнил свои обязанности, и в свои 47 лет моя прекрасная Дилбара навечно покинула наш мир, оставив меня и двух наших совсем ещё юных сыновей Али и Анара безутешными сиротами.

Прошло несколько тяжёлых дней, полных грустных хлопот и глубокого траура. И, конечно же, мне было не до голубей... Но однажды утром, когда я сидел на том самом диване в прихожей, взгляд мой упал на розовый куст, под которым я заметил нашего голубя... На этот раз он был один и смотрел на меня каким-то особенно грустным взглядом.

А у меня самого земля уходила из-под ног, я погрузился в мысли, полные горечи. Придя в себя, вспомнил о моём голубе и принёс для него корм и воду. Но он даже не взглянул в ту сторону и лишь грустно смотрел на меня. Потом закрыл глаза и сам стал похож на человека, у которого нестерпимо болит сердце и который только того и желает, чтобы рассказать кому-нибудь о том, что с ним случилось... Рассказать и облегчить свою душу...

Голубь прилетал ко мне каждое утро, ещё до восхода солнца. Он почти не дотрагивался до корма и воды, которые я упорно продолжал для него ставить. До самого вечера он безучастно сидел под розовым кустом, то закрывая, то открывая глаза. Я понял, что он тоже, как и я, потерял свою подругу и теперь не может смириться со своей потерей. Может, и он почувствовал во мне товарища по несчастью... Вечером каждый из нас возвращался к себе: он – в опустевшее гнездо, а я – в опустевший без моей Дилбары дом, такой неприкаянный и холодный.

...Уж так сложилось, что мне вновь пришлось сорваться с обжитого места и пуститься в путь. Я продал свой дом очень приличному и порядочному человеку, а перед отъездом показал ему голубя, всё так же безучастно сидевшему под розовым кустом, и попросил его не забывать об этой птице и приносить ей немного

корма и воды. И мы обменялись номерами телефонов. Вскоре я уехал в Казахстан и без особых трудностей обосновался в городе Алма-Ате. Через какое-то время я позвонил человеку, которому продал наш дом в Баку.

В разговоре я спросил у него про моего одинокого голубя, на что он ответил:

– Дорогой брат, после вашего отъезда я больше его не видел. Я делал всё, как ты меня просил: приносил корм и воду, но, видно, кроме тебя он больше не захотел ни с кем дружить...

Что и говорить – эти слова меня очень расстроили... Наверное, я должен был взять его с собой, хотя бы ради Дилбары, ради того замечательного времени и драгоценных отношений, которые я храню в моем сердце...

Я много думал о том, что случилось, и пришёл к выводу, что Всевышний наделил способностью дружить, любить и страдать не только разумные существа, но и всё живое на этом свете. Меня тоже, как и того одинокого голубя, съедала тоска, выжигая всё внутри. Бесконечные мысли тянули меня в бездну, кидали из стороны в сторону, и я, раскачиваясь на волнах сомнений и неопределенности, никак не мог найти того спасительного берега, чтобы наконец завершить мои скитания и положить конец душевным мукам. Именно в таком состоянии я и написал стихотворение «Я и одинокий голубь», которое в сильном эмоциональном волнении еле слышным голосом не раз зачитывал вслух моему товарищу по несчастью. А он, словно тяжелораненый, казалось, понимал всё – от первого до последнего слова – и смотрел мне прямо в глаза. Потом устало опускал веки, склонял голову на бок и застывал в горестной позе...

МАМОЧКА ВАРДАК И ЧЁРНЫЙ КАМЕНЬ

Наша деревня была не очень большой. Жили в ней представители трех народов – курды, азербайджанцы и армяне. Как наши родители, так и мы, дети, крепко дружили и были хорошими соседями. Каждый наш день был насыщен самыми разными детскими забавами: мы играли в прятки, футбол, быр, шашки и другие детские игры. Между собой мы свободно общались на всех трёх языках, и нередко случалось так, что, задержавшись у кого-нибудь из ребят дома, мы могли там поужинать и даже остаться ночевать. Нашим матерям мы говорили «дае», «ана», «майрик» (на курдском, азербайджанском и армянском), а отцов называли «апо», «ами» и «хорехпайр».

В нашей деревне была школа-семилетка, и обучение в ней велось на двух языках: армянском и азербайджанском. Мы, курдские дети, учились в обоих секторах, а после уроков занимались пастушеством: гнали за деревню на выпас ягнят и телят. Там было одно место – большая каменная площадка, такая ровная и скользкая, что мы постоянно падали на ней, разбивая себе носы и зубы в кровь. Конечно, было очень больно, но, несмотря на это, мы всё равно продолжали ходить туда и играть в наши любимые игры. А играли мы допоздна и спохватывались только тогда, когда начинало темнеть.

Жизнь в деревне проходила довольно весело, ведь, как я уже сказал, соседи были очень дружны. В дни празднеств или печальных событий взаимопомощь и взаимовыручка были особенно видны. Так, например, людей, прибывших издалека на чьи-то похороны, наши сельчане на ночь забирали к себе. Кроме того, все три дня соседи сами готовили еду и приносили её людям в дом усопшего.

То же самое было и в дни празднеств: соседи охотно распределяли между собой приглашённых издалека гостей и забирали их к себе переночевать. Одним словом, жилось дружно и так, как принято в большой и хорошей семье.

К сожалению, сейчас из тех людей мало кто остался в деревне: кто ушёл в мир иной, а кто просто покинул родные места. Мне же хочется рассказать здесь об одной женщине, матери, всеми любимой и уважаемой, которой, к сожалению, уже давно нет на этом свете. Обещаю, что не стану утомлять вас длинным рассказом, а буду краток, хотя хотелось бы сказать о ней побольше тёплых и душевных слов...

Все наши односельчане называли её не иначе как «мамочка Вардак». Никакое мероприятие, будь то весёлое или печальное, не обходилось без этой женщины. Она всегда восседала на почётном месте, и редко какое важное дело улаживалось без её мудрого совета.

Так кто же была матушка Вардак и как появилась в нашей деревне? Как рассказывала моя мама (а она с ней была ровесницей и в девичестве крепко дружила), Вардак родилась в той части Курдистана, которая находилась под властью Османской империи («Рома Раш»), и её семья, как и многие курдские семьи, испытала на себе все ужасы и гнёт со стороны аскаров Хамидие.

Деревня, в которой жила семья Вардак, располагалась у подножия горы Большой Агри. Однажды ночью вооружённые отряды окружают эту деревню, и начинается настоящая резня. Тогда погибло много невинных сельчан, тех, кому удалось спастись, были единицы, среди них и маленькая Вардак.

После нескольких дней тяжёлых скитаний она и ещё две маленькие девочки встречаются, наконец, у реки Араз группу таких же курдских беженцев, и в ту же ночь, переправившись на противоположный берег, оказываются в Советской Армении. Но не всем удаётся благополучно перейти заветную реку – многие из несчастных скитальцев тонут в бурной воде... Куда-то пропадают и те две маленькие спутницы, которых Вардак больше никогда не увидит.

Наутро пограничники вызывают к себе несколько местных курдов, живущих в приграничной полосе, и распределяют среди них оставшихся в живых беженцев. Так Вардак попадает в семью Гасана, известного, уважаемого и авторитетного человека не только в своей деревне, но и во всей округе.

Гасан принял и вырастил Вардак как родную дочь. Проходят годы, и девушка превращается в настоящую красавицу. По ней сходят с ума многие молодые парни, ей вслед раздаются глубокие охи-вздохи и даже нередко вспыхивают ссоры и стычки между поклонниками её красоты и скромности.

Жил в нашей деревне и парень по имени Аджо. Кто это был и откуда взялся в наших краях? А путь у него был примерно такой же, как у Вардак. Родился он в деревне, расположенной чуть дальше, чем та, где жила она – у подножья горы Малый Агри. Так же, как и ей, ему пришлось ещё ребёнком спастись от вооружённых турецких отрядов и вместе с другими курдскими беженцами пересекать реку Араз. Именно так Аджо и оказался в Армении, но что предшествовало этим событиям, я сейчас расскажу.

Аджо рос хилым и не очень здоровым ребёнком. Оно и понятно – мало кто может выглядеть цветущим и здоровым, когда уже с малых лет терпишь лишения, нищету и разные невзгоды, какими бывает полна жизнь людей под властью ненасытных кровопийц. Ещё ребёнком Аджо стал пасти ягнят, в точности повторяя судьбу своего отца, всю жизнь занимавшегося только пастушеством.

В очередное утро, когда Аджо пасёт отару ягнят повыше деревни, он замечает, что в центре её собрались люди и среди них – несколько незнакомых всадников. Оставив ягнят, Аджо спускается в село. Незнакомцами оказываются турецкие солдаты и офицер, который в бешеном крике размахивает руками перед носом деревенского старосты: «Поторапливайся, паршивый пес, не то переломая тебе

все кости!» А тот весь трясется от страха, боится поднять голову и тараторит: «Конечно, мой ага, конечно, дорогой эфенди».

Офицер требует у старосты предоставить несколько человек и вьючных волов для перевозки и доставки турецким войскам продовольствия и оружия... И всё это должно быть доставлено туда, где курдские патриоты ведут кровавые бои за свободу своей родины.

Продажный староста выполняет приказ офицера, продолжая подобострастно кланяться и повторять: «Да, дорогой ага, мой эфенди...». Офицер же, не глядя в его сторону, грязно выругавшись, вскакивает на коня, взмахивает кнутом и вместе с солдатами гонит людей и волов из деревни.

А что Аджо? Он тоже попадает в тот самый поток людей и животных. И погружается в невесёлые мысли: что ему делать, как быть, как отомстить предателю-старосте. Местью горит его сердце. Под покровом ночи он пробирается к волам, нагруженным оружием и, улучив момент, сталкивает одного из них в обрыв, тянувшийся вдоль дороги. Вол с грохотом сваливается вниз.

Солдаты хватают несчастного Аджо и приводят к офицеру. Но на вопрос, как это случилось, он упорно ничего не отвечает. Офицер в бешенстве хватается за револьвер и хочет на месте застрелить виновного, но потом меняет свое решение и распоряжается избивать его, пока не испустит дух. Солдаты волокут Аджо к обрыву, срывают с него одежду, кидают на землю и принимаются исполнять отданный приказ. «Вот так, поганый гявур! Тебя надо прикончить, как последнюю собаку!»...

Полуживого, его подбирают беженцы, ютившиеся в одной из горных пещер. Пришедший в себя Аджо видит вокруг себя незнакомых людей, измученных и истощенных. Голова его лежит на коленях благообразного седовласого старца, и тот мягко поглаживает его по волосам и говорит: «Не переживай, сынок, твой дядя не допустит, чтобы ты так рано ушёл из этой жизни. Бог сверху всё видит, и каждому воздастся по заслугам. Не переживай, за самой тёмной ночью всё равно всегда наступает светлое утро».

Благородный старец лечит Аджо лекарственными снадобьями и травами, и постепенно он встает на ноги благодаря людям, которые дали ему пищу и кров. До самой осени Аджо остаётся в убежище с остальными несчастными. На её исходе, в одну из тёмных ночей они пересекают реку Араз и достигают Советской Армении. Увы, его благородному старцу не суждено было ступить на спасительную землю... Власти распределяют людей по близлежащим сёлам, и Аджо оказывается в нашей деревне.

Ему уже давно минуло двадцать, и Аджо вступает в ту пору юности, когда уже пора отвечать за свои поступки. Благодаря своему хорошему характеру он очень скоро завоевывает любовь и уважение не только приютившей его семьи дяди Атара, но и всех односельчан, и сельского руководства. Ему выделяют небольшой земельный участок, на котором при помощи бескорыстных сельчан для него строится маленький домик.

Однажды вечером несколько уважаемых в деревне стариков приходят в дом Гасана. Вардак, конечно, видит, какие к ним пожаловали гости, но о причине их прихода не догадывается. На следующее утро Гасан зовет к себе Вардак и жену свою Айшан (а надо сказать, что та любила Вардак как родную дочь и не делала никакой разницы между ней и собственными детьми) и рассказывает им о причине, приведшей в их дом неожиданных гостей и дядю Атара. Через несколько дней сельчане приводят Вардак в маленький и очень скромный дом Аджо. С того времени их судьбы оказываются связанными воедино.

Идя по жизни рука об руку, они вместе переживают разные времена – и плохие, и хорошие. У них рождаются дети, но коварные детские болезни делают свое чёрное дело: ещё малышами они один за другим умирают, и в живых остаются только двое – сын Абдулла и дочь Казе. Абдулла растет похожим на отца – трудолюбивым, с таким же мягким характером. Он с успехом заканчивает в их деревне семилетнюю школу и вместе с отцом трудится на сельскохозяйственных работах в колхозе. Проходят годы, и Абдулла становится видным юношей в деревне. Его любят и уважают ровесники, у него много друзей, и каждый вечер товарищи собираются в его доме, который наполняется весельем, беззлобными розыгрышами и шутками, молодёжь время от времени подтрунивает даже над всеми любимой мамочкой Вардак.

К сожалению, радость и беззаботное время неожиданно обрываются: июньским утром приходит чёрная весть, моментально облетевшая весь мир. Люди, собираясь группами, тяжело вздыхают и обсуждают только одно – началась Великая Отечественная война. Жизнь в деревне меняется. Мужчин и молодых парней становится всё меньше и меньше, вместо прежнего веселья всё чаще раздаётся плач и льются слёзы, люди, чтобы прокормить свою семью, закрывают дома и уезжают в другие места... А в один из таких тяжёлых дней в дом Аджо приходит тревожное известие: сына призывают на фронт. И Абдулла вместе со своими сверстниками берёт в руки оружие и идет сражаться против фашистов, за справедливость, за свою дорогую Родину.

Однажды в ворота дома Аджо стучится сельский почтальон. Домочадцы в волнении бегут открывать и видят, как почтальон с широкой улыбкой протягивает им треугольное письмо. Отец и мать выхватывают заветный пакет, целуют его и со слезами радости передают дочери Казе, также окончившей семилетку в родной деревне. А надо сказать, что тогда не все курдские девушки учились. Она открывает письмо и чистым, ясным голосом принимается читать послание от брата:

«Мама, папа, я вас очень прошу, обо мне не переживайте, у меня всё хорошо, я жив-здоров и сейчас нахожусь на Украине. Эта земля мне очень нравится, потому что напоминает те места, где мы живём. Равнины, пастбища, реки и родники – всё как у нас. Леса раскинуты окрест, сколько видит глаз. Фруктов и плодов несметное количество, а здешние сосны и тополя так высоки, что когда задираешь голову, чтобы увидеть их макушки, с головы может упасть шапка.

У меня много друзей, и мы друг другу как братья. Они очень обо мне заботятся. Здесь сейчас не очень холодно, а наши шинели намного теплее тех шерстяных одеял, которыми мы укрываемся дома.

Иван, Шалико, Акоп, Низами и Кадырбек тоже передают вам привет. Как-то у меня поднялась температура, и чего только они ни делали, чтобы я выздоровел. Иван вскипятил воду в своём котелке. Я пил её, и на какой-то момент мне показалось, что я дома и пью заваренный тобой, мамочка, чай из джатри, тот самый чай, вкус которого я так люблю.

Мамочка, не переживай обо мне, Бог даст, мы задушим проклятых фашистов в их же гнезде. Справедливость восторжествует, и в один прекрасный день твой сын с честью и достоинством вернется домой. А ты, как мать героя, будешь только радоваться и гордиться мной.

Очень вас прошу – не задерживайтесь с ответом! Напишите мне, что у вас нового, кого из моих товарищей призвали на фронт, кто остался. Чем занимаются те девочки, которые со мной учились, как там Гуле – дочь дяди Амара...»

Казе заканчивает читать письмо, но имя Гуле звучит для слуха мамочки Вардак подобно пронзительному и раскатистому звоночку. Только тогда она понимает, что

её любимый сынок не так-то по-детски простодушен, как ей казалось. Оказывается, он просто не подавал виду, но на самом деле ещё до ухода на фронт уже приглядел для себя девушку и, как говорится, «нашёл себе голубку».

И с того самого дня мамочка Вардак невольно становится более внимательной к дочери своего соседа, прикипает к ней всем сердцем и находит в её характере немало хороших черт. Где бы она её ни встретила – будь то в поле или у родника – тотчас же подзывает к себе, обнимает и целует, любясь её милым личиком. А отойдя на пару шагов, оборачивается и не может налюбоваться стройным станом девушки, которая так полюбила её сыну, и из уст невольно вырываются тихие слова молитвы.

Так проходит множество дней, отягощённых мучительным ожиданием. Письма от Абдуллы иногда приходят друг за другом, а иногда заставляют себя долго ждать. Отец и мать не могут им нарадоваться и не расстаются с заветными треугольниками ни днем, ни ночью: то носят их за пазухой, то кладут под подушку и только так спокойно засыпают. Часто видят сына во сне, как он, такой молодой, красивый и статный, воюет против врага. Нередко им снится, что они тоже берут оружие в руки и вместе с ним бьются с проклятыми фашистами. А ещё им снятся сны, будто Абдулла уже вернулся. И как будто у них дома полно народу, пришли все его товарищи, а дафчи Джинджо весело и с азартом бьёт в свой барабан. Во дворе их дома растягивается огромный говьянд, а во главе танцующих – та сама Гуле, которая украдкой переглядывается с Абдуллой. Оба ласково улыбаются друг другу, потом он тоже вступает в говьянд и не сводит с девушки восхищённых глаз.

Вот такие сны снятся родителям, и оба с нетерпением ожидают возвращения своего сына-героя.

Дни, так похожие друг на друга, следуют своим чередом. И снова почтальон стучится в их двери. В тот день Аджо не было дома, и дверь спешит открыть мамочка Вардак. Но на этот раз почтальон уже не смотрит на мать с привычной широкой и радостной улыбкой и не торопится, как прежде, вручить ей треугольное письмо.

Грудь мамочки Вардак сжимает тревожное чувство. Руки начинают трястись, но она привычно снова целует полученное письмо и прижимает к сердцу. Потом бежит к дому Амара, зовет Гуле и протягивает ей письмо. Та разворачивает сложенные листки и в большом волнении принимается читать вслух: «Наши дорогие мать и отец...».

На этих словах у Гуле обрывается голос, и письмо выпадает из ослабевших рук. Немного придя в себя, она поднимает его и продолжает читать, но уже дрожащим и внезапно охрипшим голосом:

«...В неравном бою мы потеряли нашего храброго бойца Абдуллу... Нашего товарища, нашего дорогого и любимого друга мы похоронили на украинской земле, на склоне Карпатских гор, у родника, под большой елью. Ваш сын был настоящим героем, патриотом и замечательным человеком. Дорогие мать и отец! Мы все ваши дети! Ведь свободы не бывает без жертв и потерь!..»

Весть о гибели сына Вардак приняла с большим мужеством и стойкостью. Потому что он пал в борьбе за правое дело, защищая свою советскую Родину.

С того самого дня Вардак облачается в траур и с небывалым усердием погружается в работу. Её, как передового работника, посылают делегатом на съезд в Москву, избирают депутатом Верховного Совета Республики Армения.

Несчастный Аджо после получения вести о гибели сына вскоре умирает. Дочь Казе выходит замуж и становится матерью семейства. Мамочка Вардак остаётся совсем одна в доме, где её ждет много бессонных и горьких ночей. Иногда ей снится, что она стала бабушкой и баюкает детей Абдуллы, напевая им сладкие колыбельные

песни. Потом эти дети вырастают, им играют свадьбу, и будто бы Абдулла и Гуле снова танцуют в говянде, а собравшийся народ осыпает их монетами...

Рядом с нашей деревней, у подножья небольшой горы раскинута широкая площадка, на которой лежит большой и круглый чёрный камень. Наши сельчане называли его «камень Абдуллы Аджо» за то, что никто из молодых парней, кроме Абдуллы, не мог сдвинуть и поднять его с места.

Мамочка Вардак каждый день ранним утром, ещё до того, как взошло солнце, приходила к этому камню, обнимала, гладила его и горько плакала. Потом долго целовала его и только после этого уходила домой.

Прошли годы. Время диктовало своё, и изменилось многое. Вардак потеряла зрение, но продолжала, как и прежде, перед каждым рассветом приходит к чёрному камню. Теперь с ней был уже младший сын Казе, которого назвали в честь дяди – Абдуллой. И снова несчастная мать обнимала чёрный камень, гладила его, плакала, целовала и только потом уходила...

Однажды мамочка Вардак созвала к себе почтенных и уважаемых старцев деревни и попросила, чтобы после её смерти тот самый чёрный камень положили бы на её могилу...

Так и произошло, и наказ мамочки Вардак в точности был исполнен.

Сейчас на месте, где раньше лежал тот чёрный камень, жителями деревни установлен памятник в честь павших в Великой Отечественной войне односельчан. И среди указанных на каменной плите имён героев первым стоит имя Абдуллы Аджо.

Перевод с курдского Нуре Сардарян.

Родился в 1937 году в селе Демирчи Масисского района Армянской ССР. Курдский поэт, писатель и драматург. Автор девяти книг, Барие Бала (Балаев Баро Али оглы) является большим знатоком курдских обычаев и традиций. Им были собраны более тысячи народных пословиц, сказок, сказаний, поговорок, идиом, скороговорок, загадок, проклятий и благословений. Его перу принадлежат десятки детских и сатирических стихотворений и рассказов, посвящений (gewakirin), пьес, поэм, переведённых на многие языки мира – русский, армянский, азербайджанский, турецкий, казахский и другие. Первая книга Барие Бала («Мой мир») была издана в Ереване в 1974 году. Он автор книг «Куда идти», «Моя Дильбар», «Мать», «Незавядшие цветы», «Десять событий». В 2014 году под редакцией Зары и Нуре Сардарян (членов Союза писателей Армении) в Ереване вышла книга Барие Бала на русском языке «Я и одинокий голубь», а год спустя – «Старец Зардаит». Стихи поэта печатались в газетах и журналах «Рия Таза», «Данге Курд», «Жияна Курд», «Курдистан», «Эв Рож», «Нубар» и других. Его произведения включены в каталог книг – достояния курдской культуры. В 2014 году он признан одним из лучших курдских поэтов современности и удостоен приза имени Ахмаде Хани. Живет в Алматы.

